

СООТНЕСЕНИЕ ЦЕННОСТИ И НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В ГУМАНИТАРИСТИКЕ

К. И. Кийченко

Вынесенная в заглавие проблема подразумевает постановку нескольких ключевых вопросов. Во-первых, обуславливается ли научный поиск в гуманитаристике какими бы то ни было ценностными ориентирами, или же подлинно научное знание дистанцировано от любых ценностных суждений? Во-вторых, влияет ли рост и становление научного знания на формирование ценностей культуры и цивилизации? Ведь ещё Фридрих Ницше утверждал, что «не вокруг изобретателей нового шума — вокруг изобретателей новых ценностей вращается мир»¹. В-третьих, каковы последствия бурного роста научно-технического знания для человека и общества? Не секрет, что среди приверженцев натуралистического реализма наука воспринимается как механизм осуществления господства над природой («торжество разума»). Подобная установка уже породила ряд парадоксов и практических последствий. Кроме того, три этих принципиальных вопроса обуславливают собой постановку ряда частных исследовательских задач.

Нас интересует вопрос соотнесённости научного знания с ценностью. Поэтому насущнейшей задачей является анализ культурных и мировоззренческих предпосылок, благодаря которым возникла сама идея различения научного знания и ценностей, а если смотреть на проблему шире, то и идея их сопоставления как автономных сущностей. Эта идея, следовательно, подразумевает возможность существования «чистого», освобождённого от ценностей знания, но достижимо ли оно? Или же существуют фундаментальные ограничения наших познавательных возможностей? Возможны ли различные типы рациональности, или же существует некий универсальный принцип «онаучивания» действительности?

Рассматривая эти и ряд смежных вопросов, мы исходим из гипотезы невозможности «чистого» научного знания. Научное знание всегда с чем-то соотнесено: в гуманитаристике — с ценностью; в естественных науках, например, механике, — с константами; в математике — с системой аксиом. Для понимания специфики идеала научности в той или иной гуманитарной дисциплине необходимо элиминировать специфику гуманитаристики как особой сферы человеческого знания.

Гуманитаристика анализируется нами в следующих модусах:

- как конгломерат гуманитарных и социальных наук и соответствующих им моделей постановки исследовательских задач;
- как метатеория наук о культуре, обладающая определёнными нормативными функциями;
- как механизм согласования парадигм (дисциплинарных матриц) с общей картиной мира на основе процедуры отнесения к ценностям, а также моральной и идеологической оценки.

При рассмотрении гуманитаристики как конгломерата наук необходимо иметь в виду, что в науках, составляющих поле гуманитаристики, невозможно отыскание единых критериев научной рациональности. Если для естественных наук такими критериями являются верифицируемость и количественная измеримость, то своеобразие гуманитарного познания заключается в том, что оно направлено на изучение качественных, а не количественных характеристик исследуемого феномена или объекта. Конечно, часть научных дисциплин, составляющих гуманитаристику, не может и не должна обходиться без изучения количественно измеряемых свойств объекта (например, социология), но большинство работают с принципиально неизмеримыми свойствами (психология). Таким образом, поле наук, входящих в гуманитаристику, не является внутренне однородным.

Ключевую роль в раскрытии сущности феномена гуманитаристики играет классификация наук по определённому критерию, позволяющему разделить всё множество на две большие группы: науки социальные и науки гуманитарные. Ценностный подход присущ именно индивидуализирующим, т. е. гуманитарным наукам. Подлинная гуманитарность знания заключена в его соотносённости с ценностью, зависимости от ценностных установок. Социальные же науки дистанцированы от ценностей, они «проводят различие, если не пропасть, между суждениями о фактах и суждениями о ценностях»². Именно поэтому ядро гуманитаристики составляют гуманитарные науки, а не социальные.

Однако к гуманитаристике как к феномену ещё нет устойчивого, полностью сформировавшегося отношения; для всякого исследователя, работающего в области гуманитаристики, велик соблазн обратиться к проблемам сугубо умозрительного характера, что обусловлено желанием построить непротиворечивую и универсальную теорию. Однако думается, что гуманитаристика как таковая, и в первую очередь как научное знание, стремящееся к универсализму (а мы признаём за ней это право), всё же не может быть лишена своих конкретных исторических оснований. Гуманитарные науки не могут быть представлены как строго теоретические дисциплины, не наполненные конкретным историческим содержанием, находящиеся вне социокультурного контекста и политической практики. Поэтому одной из основных задач современной гуманитаристики является разработка наиболее общих теоретических конструкций, способных при всей своей масштабности и всеохватности учитывать конкретные историко-культурные реалии.

Гуманитаристика как научное знание рождается в столкновении нашего положения о культуре с конкретными проявлениями культуры, наполненными неотъемлемым историческим содержанием. Рождение гуманитаристики как самостоятельной отрасли научного знания происходит, следовательно, на стыке теории, стремящейся быть независимой от практики, и сугубо эмпирического знания. Такой подход к формированию предметного поля и методологии позволяет избежать двух опасных крайностей, столь распространённых в современной науке. Первая из них заключена в стремлении сконструировать универсальную метатеорию, склонную насилловать свой объект, как бы выпытывать у него истину и предписывать объекту строго ожидаемое поведение как в настоящем, так и в будущем. Вторая опасность таится

в стремлении социальных и гуманитарных наук к жёстким эмпирическим основаниям, а следовательно, вырождению в описательные дисциплины, теряющие свой аксиологический статус, одновременно отказывающиеся от своих прогностических и нормативных функций. Очевидно, что эти две опасности присущи не только отдельным гуманитарным и социальным наукам, но гуманитаристике вообще: тяготея к эмпирическому анализу мира культуры (исследование «структур малого»), она оказывается прогностически несостоятельной. Увидеть в малом великое — основная цель, требующая нешуточных методологических усилий.

Гуманитаристика выступает той сферой, в которой происходит синхронизация научной картины мира с постулатами конкретной теории. И при значительных несоответствиях и несовместимости с общими установками мышления и принятыми в научном сообществе конвенциями, теория не имеет шансов стать общепризнанной, т. е. отвергается как недостоверная. Отчасти такое положение вещей обусловлено спецификой познавательного процесса и самой логикой свершения научных открытий: «хотя мир не изменяется с изменением парадигм, учёный после этого изменения работает в ином мире»³.

Мы утверждаем, что по отношению к частным теориям наук о культуре гуманитаристика выступает в качестве метатеории, задающей образцы научности — парадигмы. Под парадигмой в данном случае понимается «устоявшийся образец или модель, создающие осознанную или неосознанную установку мышления, видеть явления в определённом свете или исследовать их в соответствующем методологическом ключе»⁴. Понятие «парадигма» очень важно отличать от «мировоззрения». Мировоззрение индивидуально и уникально, в то время как парадигма — это совокупность установок мышления, разделяемых многими людьми.

В приведённом определении фиксируется ещё один наиважнейший аспект: исследовательские установки могут быть неосознанными. Традиционному представлению о «научности» знания не хватало именно человеческого измерения, в результате во многих научных теориях прослеживается намеренная установка на исключение субъективности любого акта познания и стремление нивелировать роль личности исследователя. Наша задача — обозначить проблему, связанную с определением статуса познающего субъекта. Это субъективно-мировоззренческое начало и зафиксировано в приведённом выше определении, которое подчёркивает, что парадигма есть лишь «устоявшийся образец». Образец, которому можно следовать, а можно и не следовать. Напомним, что в куновском варианте принятие парадигмы напрямую определяет принадлежность к научному сообществу⁵. И тот, кто хочет к нему принадлежать, должен быть последовательно рационален в приятии установленных норм научного мышления. Эта позиция является прямым следствием развития и становления современного представления о «научности» или «ненаучности» того или иного знания.

Используемое определение парадигмы позволяет увидеть подлинную роль уникальных характеристик познающего субъекта. Если какая-либо парадигма становится неотделима от общей картины мира (она составная её часть), то научные и философские взгляды становятся неотделимой частью познающего, а значит,

с неизбежностью влияют на конечный результат познания. Возникающая отсюда ценностная и, возможно, политическая ангажированность учёного, на наш взгляд, свидетельствует не о слабости его позиции (во всяком случае не только об этом), но и о сильной стороне исследователя, так как напрямую связана с научной этикой и с осознанием степени личной ответственности. Учёный не обязан более скрываться за авторитетом догмы.

И если применительно к естествознанию подобная мысль может являться спорной, то в гуманитарных науках невозможно выделение нейтрального познающего субъекта, объективного наблюдателя (с подобными проблемами, кстати, столкнулась и современная физика)⁶. Это означает, что гуманитарным наукам всегда придётся мириться с ценностной и политической ангажированностью учёного. Но, в отличие от многих отечественных и зарубежных авторов, мы склонны усматривать в этом не слабую сторону наук о культуре, а их основное достоинство.

Гуманитарные методы могут открывать такие проблемные поля для исследований, которые недоступны никакой сциентистской методологии, а также осуществлять целый ряд специфических и чрезвычайно важных функций. В самом общем смысле гуманитарное мышление как способ теоретического освоения действительности противопоставляется мышлению естественно-научному. Однако в рамках такой упрощённой антиномии вряд ли представляется возможным решение ряда насущнейших методологических вопросов. Вопросы эти поставлены не сегодня и не нами, но если человечество ещё надеется справиться с тотальным распадом, охватившим культуру, ответы на них, по-видимому, должны быть найдены в ближайшее время. Что же это за проклятые вопросы гуманитариев? Во-первых, необходимо уяснить, в какой степени гуманитарное мышление является мышлением научным. Во-вторых, научное мышление по определению представляет собой рациональный способ постижения мира, но должно ли гуманитарное мышление рассматриваться как рациональное? Наконец, может ли иррациональное (т. е. в корне отличное от рационального) мышление оставаться научным? Такая постановка вопросов требует преодоления логики противопоставления гуманитарного и естественно-научного мышления и расширения сферы научного поиска до экстранаучного поля.

Является ли такой поиск актуальным? По-видимому, да. Тому есть несколько причин. Быть может, главнейшей тенденцией развития гуманитарных наук в последние два века было стремление приблизиться в своих теоретических построениях к идеалу естественно-научной рациональности. Как показала практика, цель оказалась недостижимой. Разум — субстрат и субъект рационального познания — работает с чистой схемой, помещаемой зачастую в идеальные условия. В гуманитарной методологии, как мы понимаем, такая исследовательская установка оборачивается подменой сложного нередуцируемого многогранного явления или феномена набором формальных суждений, имеющих мало общего с действительностью. Поэтому в целом сциентистская установка (именно так принято называть у гуманитариев упование на естественно-научную рациональность) оказывается непродуктивной.

Стратегия рационализации гуманитарного знания есть в настоящий момент довольно тонко продуманная методология, далеко ушедшая от набившего оскомину

позитивизма контовского типа, но наращивание терминологического и методологического аппарата привело лишь к затуманиванию смыслов и окончательной подмене реального бытия теоретическим конструктом, как бы слепком мира. И, сколько бы ни был этот слепок близок к оригиналу, нет в нём жизни — он всего лишь копия, но копия, лишённая самого главного.

Что же можно противопоставить стратегии рационализма? В настоящее время представляется наиболее актуальным следующий вопрос: возможен ли научный поиск в экстранаучном поле? Делая подобную заявку и ставя вопрос подобным образом, мы претендуем на раскрытие одной тайны: как непостижимость иррационального вдохновляет научный поиск. Мы давно убедились, что даже за самыми выверенными методологиями лежит онтологическая иррациональность человеческого мышления. Альбер Камю как-то написал: «Даже самая замкнутая система, самый универсальный рационализм всегда спотыкаются об иррациональность человеческого мышления»⁷.

Речь идёт о двух взаимодополняющих видах познания (рациональном и чувственном), которые соотносятся с двумя типами описываемых реальностей: физической и общественной, которая, помимо материального измерения, неизменно включает духовное. Тут, помимо особых научных методологий, особенно важен философский взгляд на методологию познания. Конечный вопрос: чему наука может научиться у философии, если вообще может? Наша гипотеза заключается в том, что для преодоления кризиса рационализма в гуманитарных науках, а если взглянуть на проблему шире, то и в культуре научно-гуманитарного поиска, может оказаться продуктивной установка на поиск научных истин в экстранаучном поле, т. е. в поле гуманитаристики в широком понимании. К этому добавляется ещё один парадокс. Драма любой гуманитарной науки заключена в том, что её парадигмы не являются независимыми и самостоятельными, они формируются под влиянием и как следствия господствующих картин мира.

Общий кризис гуманитарных наук заключается в том, что они оказались в плену установок лапласовой картины мира. Сущность этой «устаревшей» картины — детерминизм, основанный на всезнающем сциентизме, опирающемся на достижения классической механики. Многим сейчас кажется, что эти установки уже успешно преодолены. Однако на деле оказывается, что последовательный антисциентизм и критика рационализма приводят в такой же тупик, как и тупик рационализма. Более того, за свою многовековую историю рационалистические установки получили столь неограниченную власть над человеком, что воспринимаются как раз и навсегда данные, неизменные, единственно возможные законы человеческого мышления. Л. Шестов свидетельствует: «Все были убеждены, что знание человеку нужно больше всего на свете, что знание является единственным источником истины»⁸. В свою очередь в гуманитарных науках в XIX–XX вв. это выразилось в том, что идеалом рациональности стала естественно-научная рациональность.

Научность знания определяется качеством его доказательной базы, верифицируемостью и теоретической обоснованностью постулатов. Как мы знаем, в классическую эпоху — эпоху торжества научности в доскональном смысле слова —

стремление к строгости и точности знания являлось детерминирующим фактором в определении направлений научных исследований. Научная мысль развивалась в направлениях, указанных ей логикой причинно-следственных связей, знание прирастало за счёт расширения экспериментально-эмпирической базы и опирающихся на неё теорий. Идеал научности, выраженный наиболее полно в лапласовой методологии, сводился к уточнению и развитию существующих представлений о мироздании. Однако одной из насущнейших проблем в рамках лапласовой картины мира оставалось обоснование источников принципиально нового, ранее недоступного человеку знания. Ведь, если верить Лапласу, любое знание имплицитно содержится в исходных предпосылках познания. Лапласова картина мира отрицает, редуцирует любую неточность, недостоверность, вероятностность знания, равно как и игнорирует любое интуитивное постижение истины, отказывая ему в достоверности. Очевидно, что на определённом этапе развития научной мысли ограничения, накладываемые таким мировоззрением, вступают в противоречие с наисовременнейшим опытом.

Этот конфликт с неизбежностью приводит к необходимости преодоления установок лапласовского детерминизма. На рубеже XIX–XX вв. свершается методологический переворот, связанный с открытием вероятностного знания. Благодаря экспериментальным данным многих дисциплин (в том числе и социальных) становится всё более очевидной невозможность достижения абсолютно строгого и точного знания ни в одной отрасли наук. Мы вступили, таким образом, в эпоху неклассической науки. Не стоит упрощать ситуацию и просто противопоставлять неклассическое знание классическому. Важно уяснить, что неклассика вовсе не отказалась от категорий точности и строгости, однако значительно модернизировала и усложнила свои требования к результатам научного познания.

Говоря о неклассике, обычно различают логическую, метрическую и семантическую плоскости научной строгости. С метрической точки зрения повышение точности знания в экспериментальных дисциплинах ограничивается возможностями исследовательской аппаратуры, в квантовой физике — принципом неопределённости, в социальных науках — ограниченностью выборки и т.п. С логической точки зрения претензии на абсолютную точность также необоснованны, что хорошо показано, например, в концепции ограничительных результатов («теорема о неполноте») Курта Гёделя⁹. Что касается семантической плоскости, то здесь с очевидностью постулируется существование неформализуемых и, следовательно, неоперационализуемых свойств исследуемых объектов, а также наличие латентного предположительного знания.

Однако, говоря о прорыве неклассических методологий, прогрессе неклассического мышления по отношению к классике в целом, нельзя не отметить один важнейший факт. Для неклассики, как и для классики, неизблемым осталось притязание на раскрытие всех тайн бытия, установка на постижение конечной истины. Неклассика всё ещё остаётся в плену натуралистического отношения к познанию, продукт которого (знание) является лишь описанием реальности, пускай и описанием

многомерным и многосложным. Классика и неклассика равно далеки от постановки аксиологических вопросов, от ценностного подхода к познанию мира.

Видимо, если говорить о современном этапе становления научности, то необходимо признать, что на наших глазах произошёл отказ и от неклассических методологий. Правильнее всего обозначить его как неонеклассический, реабилитирующий фактор ценности. Акценты нашего внимания всё больше переносятся с вопроса «что есть» (истина) на вопрос «что (как) должно быть». И в этом вопрошании гуманитаристика как раз и рождается как особый тип знания, трактующего о должном, о ценностном идеале. Здесь раскрывается особая значимость гуманитаристики: всякое явление может и должно быть оценено. Ибо гуманитаристика — это ценностный подход к миру и познанию мира. И мы должны признать, что наука, полностью освобождённая от ценностей, невозможна.

¹ Ницше Ф. Сочинения в 2 т. М., 1990. С. 95.

² Огурцов А. П. Страстные споры о ценностно-нейтральной науке // Лэйси Х. Свободна ли наука от ценностей? М., 2008. С. 10.

³ Кун Т. Структура научных революций. М., 2003. С. 184.

⁴ Панарин А. С. Политология. Западная и Восточная традиции. М., 2000. С. 314.

⁵ См.: Кун Т. Дополнение 1969 года // Кун Т. Структура научных революций. С. 265–270.

⁶ См., например: *Einstein A.* The meaning of relativity. Princ: Univ. Press, 1946; *Гинзбург В. Л.* Как устроена вселенная и как она развивается во времени. М.: Знание, 1968.

⁷ Камю А. Миф о Сизифе // Сумерки богов. М., 1990. С. 239.

⁸ Шестов Л. И. Афины и Иерусалим. СПб., 2001. С. 29.

⁹ См.: *Gödel K.* On Formally Undecidable Propositions of the Principia Mathematica and Related Systems. New York, 1965; *Успенский В. А.* Теорема Гёделя о неполноте. М., 1982.